

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Вопросъ о безсмертіи души.

(Окончаніе *).

III.

- 3) Пантеизмъ представляет собою доктрину противоположную матеріализму, и противоположность ихъ особенно рѣзко выступаетъ въ ученіи о душѣ. Съ точки зрѣнія матеріализма—душа есть сумма многихъ цѣлыхъ, съ точки зрѣнія пантеизма—душа есть малая часть цѣлаго. Матеріализмъ учитъ, что безсмертны тѣ единицы, изъ которыхъ слагается душа, пантеизмъ, напротивъ, утверждаетъ, что безсмертно то цѣлое, частью котораго является душа. Сущность пантеизма заключается въ ученіи, что существуетъ только одинъ Богъ, что міръ и съ его физической, и съ его психической стороны не болѣе, какъ проявленіе Божественной сущности. Отдѣльныя явленія, отдѣльныя лица въ мірѣ суть случайныя, временныя и измѣняющіяся проявленія неизмѣнной Божественной сущности. Ихъ отношеніе къ абсолютному таково же, какъ отношеніе волны въ океанѣ къ самому океану. На мгновеніе волна, поднявшаяся на его поверхности, представляет собою нѣчто индивидуальное и самостоятельное, но проходитъ мгновеніе и она опять исчезаетъ въ океанѣ, въ которомъ находилась и раньше. Такъ и человѣкъ. Проявляющееся въ немъ духовное начало отъ вѣка было частью абсолютнаго Духа, на мгновеніе обосо-

*) См. «Вопросы Философіи и Психологіи», кн. 19-я.

билось отъ него и приняло печать индивидуальности, чтобы затѣмъ послѣ недолгаго періода снова исчезнуть въ Абсолютномъ.

Пантеизмъ издавна привлекалъ къ себѣ умы многихъ мыслителей. Многимъ казалось, что изъ всѣхъ ученій онъ наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ требованіямъ ума и сердца. У человѣка есть стремленіе сводить всѣ явленія къ единству. Религіи обыкновенно не удовлетворяютъ этому стремленію, въ нихъ господствуетъ дуализмъ или даже плюрализмъ. Матеріализмъ, признающій всепроизводящимъ началомъ одну матерію, въ сущности тоже не удовлетворяетъ этому требованію единства: первоосновою существующаго у него является безчисленное множество атомовъ. Самобытность этихъ ничтожныхъ единицъ, ихъ обособленность и ихъ взаимоотношенія при ихъ обособленности представляютъ много и неяснаго и противорѣчиваго. Въ пантеизмѣ, напротивъ, первоосновою существующаго является дѣйствительно единое Абсолютное. Безконечность и абсолютность, конечно, прямые условія самобытности. Для насъ понятно, что Абсолютное есть достаточная причина для самого себя, съ чѣмъ мы не можемъ согласиться по отношенію къ атому; для насъ понятно далѣе, что Абсолютное можетъ обнаруживаться въ безконечномъ разнообразіи явленій, для насъ понятна и связь и взаимоотношеніе этихъ явленій между собою, потому что они имѣютъ общую причину и потому что во вселенной нѣтъ ничего обособленнаго.

Если, такимъ образомъ, пантеизмъ изъ всѣхъ міросозерцаній съ логической стороны, говорятъ его приверженцы, наиболѣе удовлетворяетъ умы, то должно также признать, что съ этической стороны пантеизмъ наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ сердца. Имъ утверждается, во 1-хъ, непосредственная связь людей съ Богомъ и, во 2-хъ, органическая связь людей между собою. Люди—братья между собою, потому что они—органически связанные проявленія одного абсолютнаго духа. И если любовь и единеніе любящихъ существъ есть наивысшее блаженство, то пантеизмъ объясняетъ имъ бытіе такъ, что оно представляетъ наиболѣе благопріятныя условія для достиженія этого блаженства. Многие пантеисты были очень религіозны, опредѣляя религію какъ сладкое чувство единенія и общенія конечнаго духа съ Абсолютнымъ. (Приведемъ хотя бы опредѣленіе Ренана: «Истинная религія,—говоритъ онъ,—есть плодъ безмолвія и собранности мысли. Она

зарождается въ минуту, когда добродѣтельный человѣкъ, входя въ самого себя, прислушивается къ голосамъ, раздающимся внутри его. Когда всѣ чувства утихаютъ и всякій внѣшній шумъ смолкаетъ, тогда изъ глубины души исходитъ нѣкоторое сладкое, плѣнительное вѣщаніе и, какъ отдаленный звонъ благовѣста, напоминаетъ тайну безконечнаго. Мыслящій человѣкъ чувствуетъ себя тогда какъ бы внѣ отечества, которое припоминается, предносится ему, и грусть налегаетъ ему на сердце. Онъ отрѣшается отъ земной темной дѣйствительности и устремляется мыслію въ страны полныя свѣта. Смерть въ одеждѣ странника, идущаго изъ Святой земли, стучитъ въ дверь души и человѣкъ начинаетъ чувствовать, что ему сладко будетъ умереть, — чего онъ не чувствовалъ въ шумѣ житейскомъ. Смерть съ пантеистической точки зрѣнія есть возвращеніе духа въ лоно абсолютной субстанции, сладостное раствореніе индивидуальнаго «я» въ Божественной безконечности. Такъ пантеизмъ по видимому удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ духа, и потому не удивительно, что представители философіи въ наибольшемъ числѣ всегда были его приверженцами.

Мы однако не послѣдуемъ за ними. Важнѣйшее преимущество пантеизма предъ матеріализмомъ, по нашему мнѣнію, заключается въ неясности и неопредѣленности этой доктрины, дѣлающихъ весьма затруднительнымъ ея критическій разборъ. Но какъ только въ пантеистическія ученія пытаются вносить возможно больше опредѣленности и свѣта, они немедленно разрѣшаются въ рядъ легко обличимыхъ логическихъ софизмовъ. Мы не станемъ доказывать несостоятельности тѣхъ или иныхъ отдѣльных пантеистическихъ ученій. Этотъ способъ опроверженія очень легокъ, но онъ сдѣлалъ бы наше изслѣдованіе утомительно длиннымъ. Мы постараемся показать несостоятельность самыхъ принциповъ пантеизма, несостоятельность его ученія объ абсолютномъ духѣ, а отсюда и неправильность его взглядовъ на духъ конечный. И прежде всего, намъ кажется, что пантеизмъ не удовлетворяетъ ни логическимъ, ни этическимъ требованіямъ человѣка.

Въ представленіе мірового процесса пантеизмъ вноситъ 2 черты: неопредѣленность и безсмысленность. Разсматривая вселенную, какъ безконечное проявленіе безконечныхъ свойствъ Абсолютнаго, пантеизмъ лишаетъ насъ возможности выяснить значеніе извѣстной намъ части міра во вселенной и опредѣлить отноше-

ніе этого міра ко всему цѣлому. Съ точки зрѣнія пантеизма, то проявленіе безконечнаго, которое представляет собою извѣстный намъ звѣздный міръ, — въ составъ котораго, какъ весьма малый элементъ, входитъ солнечная система, — не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ весь этотъ міръ, безъ сомнѣнія, представляет собою нѣчто весьма малое, даже по отношенію ко многимъ конечнымъ частямъ вселенной, — по отношенію же къ безконечному онъ не болѣе какъ нуль. Отсюда слѣдуетъ, что онъ не можетъ быть выраженіемъ и откровеніемъ никакихъ свойствъ безконечнаго. Отношеніе извѣстной божественной сущности является для насъ тѣмъ болѣе загадочнымъ, что въ мірѣ мы видимъ множество индивидуальностей, пантеизмъ же отрицаетъ эту множественность. Представляя процессъ міровой жизни безконечнымъ и вѣчнымъ, пантеизмъ тѣмъ самымъ отрицаетъ всякій смыслъ у происходящихъ въ мірѣ явленій. Міръ, вѣдь, не совершенствуется и не стремится ни къ какой цѣли, — вчера онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ будетъ завтра, и возникающіе и исчезающіе въ немъ предметы и созданія Абсолютное производитъ изъ себя такъ же безцѣльно и бессмысленно, какъ пускаютъ мыльные пузыри маленькія дѣти. Да и вся вселенная съ своей внѣшней стороны, какъ она открывается и въ разумныхъ тваряхъ и въ неразумной природѣ, не болѣе, какъ мыльный пузырь, по отношенію къ таинственной сущности Абсолютнаго. Не удовлетворяетъ пантеизмъ и этическимъ требованіямъ человѣка. Въ основѣ этихъ требованій лежитъ раздѣленіе явленій и созданій на добрыя и злыя, но пантеизмъ отрицаетъ это раздѣленіе: пантеистическое абсолютное равно производитъ изъ себя любовь, готовую пожертвовать собою за други свои, и злобу, своимъ ядовитымъ дыханіемъ убивающую все доброе и прекрасное. Причина преступныхъ дѣяній Нерона и великихъ самоотверженныхъ дѣяній св. Павла равно лежитъ, по пантеизму, въ сущности Абсолютнаго. Пантеизмъ не сулитъ никакого утѣшенія нравственнымъ стремленіямъ человѣка и въ будущемъ: отношенія между добромъ и зломъ всегда останутся неизмѣнными. Количество того и другого во вселенной не уменьшится и не увеличится. Въ настоящее время волки пожираютъ овецъ, въ будущемъ, можетъ быть, исчезнутъ тѣ и другія, но явятся новыя твари, изъ которыхъ одни будутъ пожирать другихъ.

Не внося ничего отраднаго и опредѣленнаго въ наше пони-

маніе дѣйствительности, пантеизмъ, мы думаемъ, утверждается на логически несостоятельныхъ положеніяхъ. Самое обычное представленіе абсолютной сущности въ пантеизмѣ есть представленіе ея, какъ простой возможности, въ видимомъ мірѣ переходящей въ дѣйствительность. Отношеніе божественной сущности міра къ самому міру—съ пантеистической точки зрѣнія—весьма удобно сравнить съ отношеніями потенціальной и кинетической энергіи, какъ представляютъ это отношеніе науки положительныя. (Каменный уголь, находящійся въ Московско-Тулскомъ каменноугольномъ бассейнѣ, представляетъ собою скопленіе потенціальной энергіи. Когда его будутъ сжигать, то явятся всевозможнаго рода движенія, представляющія собою проявленіе кинетической энергіи.) Абсолютное—это потенціальная энергія, міръ—это энергія кинетическая. Но вотъ какой вопросъ порождаетъ это сравненіе: въ дѣйствительномъ мірѣ мы видимъ, что потенціальная энергія можетъ переходить въ кинетическую лишь при посредствѣ внѣшняго дѣятеля: (для того, чтобы открыть энергію, находящуюся въ каменномъ углѣ, его нужно зажечь,—спрашивается) какой же посредствующій дѣятель превращаетъ во вселенной абсолютную возможность въ относительную дѣйствительность? Когда пантеисты задаютъ себѣ этотъ вопросъ, они обыкновенно отрекаются отъ опредѣленія Абсолютнаго, какъ простой возможности, и начинаютъ опредѣлять его какъ высшую реальность, въ безконечно превосходной степени содержащую въ себѣ тѣ положительныя свойства, какія открываются въ мірѣ. Абсолютное есть сверхсознательное, нѣчто выше мышленія, выше разумности. Такія опредѣленія однако снова вызываютъ трудности логическаго и психологическаго свойства, которыя принуждаютъ насъ признать доктрину пантеизма совершенно несостоятельной. Во 1-хъ, мы не можемъ не признать, что переходъ высшаго бытія въ бытія низшія, размѣниваніе его высшей разумности на мелочную неразумность, есть явленіе крайне неразумное. Во 2-хъ, психологія учитъ насъ, что разложеніе единого сознанія на множество частныхъ сознаній—фактъ столь же невозможный, какъ и образованіе одного сознанія изъ множества частныхъ сознаній. Всѣ сравненія пантеизма, наприм. что абсолютное «я» отражается въ конечныхъ «я» такъ же, какъ солнце отражается въ безконечномъ количествѣ капель воды,—всѣ эти сравненія, если вдуматься въ нихъ, пагубны для пантеизма. Отраженія солнца

въ водѣ суть отраженія мнимыя, но человѣческія «я» суть дѣйствительность. Какъ изъ цѣлыхъ отдѣльныхъ сознаній путемъ суммированія не можетъ возникнуть единой личности, такъ часть сознанія никогда не можетъ представить собою самоопредѣляющуюся личность. Въ общемъ ходѣ явленій предъ нами открывается тотъ законъ, что чѣмъ тѣснѣе часть связана съ цѣлымъ, тѣмъ менѣе она можетъ претендовать на самостоятельное существованіе. Этотъ законъ можно констатировать въ біологіи, гдѣ на организмахъ мы видимъ, что наибольшая централизація частей соединяется у нихъ съ наименьшею самостоятельностью, и наоборотъ, гдѣ слаба централизація, тамъ части болѣе обособлены между собою. Обращаясь теперь къ теоріи, что наши «я» суть части абсолютнаго «я», мы видимъ, что она стоитъ въ противорѣчій съ изложеннымъ нами біологическимъ закономъ. По теоріи, связь нашего «я» съ Абсолютнымъ не только тѣсна, но неразрывна и неизмѣнна. Но наше сознаніе обязываетъ насъ мыслить наше «я», какъ реальную обособленную единицу, которую мы можемъ противопоставлять и дѣйствительно противопоставляемъ всей вселенной. Нельзя отрицать значенія этого свидѣтельства сознанія. Для того, чтобы понимать происходящія вокругъ насъ явленія, мы должны допустить, что эти явленія—будутъ ли они происходить въ области физической или психической—суть символы дѣйствительности. Мы должны допускать, что отношенія между явленіями подобны отношеніямъ между дѣйствительными фактами, и что въ нѣкоторой мѣрѣ мы можемъ даже постигать законы этого подобія. Причемъ, конечно, необходимо мыслить, что символы болѣе или менѣе приближаются къ дѣйствительности (въ различныхъ группахъ явленій различно). Но если это такъ, то спрашивается: неужели свидѣтельство нашего сознанія объ индивидуальности и обособленности нашего «я» можетъ быть символомъ того, что наше «я» есть неотдѣлимая безконечно-малая часть какого-то проблематическаго цѣлаго? Это недопустимо. Недопустима, слѣдовательно, и теорія, что наше «я» есть часть цѣлаго, какъ недопустима теорія, что наше «я» есть сумма цѣлыхъ. Обыкновенный человѣческій смыслъ никогда и не принималъ ни той, ни другой теоріи. Душа человѣческая обыкновенному сознанію всегда представлялась реальной единицей, надъ которой нельзя производить ни операций умноженія, ни операций дѣленія. Этотъ взглядъ я называю теоріей психическаго инди-

4/ видуализма. Этотъ взглядъ примемъ и мы. Постараемся теперь его выяснить и устранить тѣ возраженія, которыя онъ вызываетъ противъ себя.

По нашему представленію, вещи могутъ происходить двоякимъ образомъ: или путемъ сложенія, или путемъ разложенія чего-либо. Ни тѣмъ, ни другимъ способомъ душа — съ нашей точки зрѣнія — произойти не можетъ. Поэтому относительно ея происхожденія возможны только двѣ теоріи: или душа самобытна, или она сотворена Богомъ.

Первое предположеніе по отношенію къ душѣ никакъ не можетъ быть допущено. Конечное не можетъ быть самобытнымъ. Логика и гносеологія обязываютъ насъ мыслить конечное — или какъ проявленіе безконечнаго, или какъ твореніе. Такъ какъ душа не есть проявленіе Безконечнаго, то она, слѣдовательно, есть Его твореніе. Не будемъ въ настоящее время спорить о томъ, когда творятся души, но установимъ, какъ фактъ, что онѣ творятся Богомъ, что причина ихъ происхожденія лежитъ не въ этомъ чувственномъ мірѣ, а въ Абсолютномъ Духѣ. Рѣшивъ, при помощи теоріи психическаго индивидуализма, вопросъ о происхожденіи души, мы легко можемъ въ принципѣ при помощи этой теоріи рѣшить вопросъ и о ея посмертномъ существованіи.

Прежде всего для насъ ясно, что тѣлесная смерть сама по себѣ еще не влечетъ за собою смерти духа. Духъ, какъ индивидуумъ, продолжаетъ свое существованіе, и по закону сохранения энергіи долженъ существовать вѣчно. Такимъ образомъ теорія психическаго индивидуализма ведетъ насъ къ предположенію индивидуальнаго безсмертія нашего духа, однако только къ предположенію, а не къ окончательному утвержденію этого безсмертія. То самое размышленіе, которое привело насъ къ тому, что душа не можетъ возникнуть естественнымъ образомъ, ведетъ насъ къ признанію того, что она можетъ быть уничтожена лишь сверхъестественнымъ образомъ: Абсолютная сила, вызвавшая ее изъ небытія, можетъ и опять превратить ее въ ничто. Мы не можемъ опровергнуть этой возможности. Съ другой стороны, индивидуальное безсмертіе не есть еще все то, чего мы желаемъ, когда говоримъ о безсмертіи. Мы желаемъ, вѣдь, не только индивидуальнаго, но и сознательнаго безсмертія. Между тѣмъ изъ перваго необходимо не вытекаетъ второе. Мало этого. Факты психической жизни на первый взглядъ какъ бы приво-

дятъ къ отрицанію возможности сознательнаго безсмертія. На самомъ дѣлѣ, все содержаніе сознанія пріобрѣтается душою при посредствѣ тѣла, и измѣненія въ состояніи послѣдняго радикальнымъ образомъ измѣняютъ содержаніе перваго. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ фактъ раздвоенія сознанія.

Въ настоящее время нерѣдки такіе психопатологическіе случаи, что извѣстное лицо въ теченіе нѣкотораго періода сознаетъ себя, какъ одно, а потомъ въ теченіе другого періода сознаетъ себя, какъ совершенно иное. Обыкновенно это бываетъ такъ. Какое-нибудь лицо А живетъ, положимъ, въ теченіе 3 мѣсяцевъ обыкновенною нормальною жизнью, затѣмъ послѣ нѣкотораго ненормальнаго періода сна просыпается, сознавая себя совсѣмъ какъ иное лицо, безусловно забывшее всю свою прошлую жизнь. Если это происходитъ въ первый разъ, то, очевидно, у такого лица нѣтъ прошлаго, его надо развивать и обогащать его сознаніе содержаніемъ. Процессъ развитія, кажется, совершается быстро. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Нашъ субъектъ снова впадаетъ въ ненормальный сонъ и просыпается безусловно забывшимъ все то, что произошло съ нимъ въ послѣдніе мѣсяцы, и хорошо помнящимъ свою прежнюю жизнь до перваго ненормальнаго сна. Если мы обычное сознаніе его назовемъ А, ненормальное сознаніе черезъ В, то теперь его жизнь будетъ продолженіемъ состоянія А, затѣмъ опять произойдетъ ненормальный сонъ, и послѣдующее бодрственное состояніе будетъ продолженіемъ состоянія В. Это можетъ происходить много разъ.

Здѣсь мы видимъ, что одна и та же душа сознаетъ себя то какъ одну, то какъ другую личность. Если обратить вниманіе на то, какъ у человѣка развивается сознаніе своей личности, то опять можно придти къ тому выводу, что одна и та же душа можетъ мыслить себя при различныхъ условіяхъ совершенно различною личностью. Новорожденный не имѣетъ сознанія своего «я». Мысль объ этомъ «я» развивается съ годами. «Я» мыслится, какъ противоположность «не—я», причемъ все то, что субъектъ мыслитъ какъ содержаніе своего «я», представляетъ собою совокупность чисто случайныхъ мыслей, чувствованій и желаній; слѣдовательно, душа, поставленная въ иныя условія, испытывала бы совсѣмъ иныя чувства и пріобрѣла бы совсѣмъ иныя желанія и потому—несомнѣнно—могла бы мыслить себя совершенно иначе. Всѣ эти факты даютъ возможность составить такую теорію сущности

души. Душа есть какое-то безсодержательное, упругое начало. Тѣло и внѣшняя дѣйствительность выдавливаютъ на ней тотъ или иной оттискъ. Какъ только они перестаютъ на нее дѣйствовать, она принимаетъ первоначальный безсодержательный видъ. Съ точки зрѣнія этой теоріи душа безсмертна, но для насъ это безсмертіе не имѣетъ никакого значенія. Все то, что мнѣ дорого, и все то, ради чего я хотѣлъ бы быть безсмертнымъ,—все это оказывается смертнымъ, безсмертно лишь то, что не имѣетъ содержанія, неспособно къ прогрессу, не подлежитъ измѣняемости и усовершенствованію. Такая теорія столь же мало примиряетъ насъ съ дѣйствительностію, какъ и теорія самага грубаго матеріализма. Представляя душу неразложимой единицей, мы не должны мыслить ее единицей безсодержательной. Только отрѣшившись отъ устарѣлыхъ метафизическихъ спекуляцій и руководясь данными новѣйшей психологіи, мы можемъ выработать такое ученіе о душѣ, исповѣдуя которое, можно сказать, что дѣйствительность разумна и что христіанское спиритуалистическое міросозерцаніе истинно. Къ изложенію такого ученія мы теперь и обратимся.

Метафизики, доказывая безсмертіе души, обыкновенно настаиваютъ на томъ, что душа проста. Я думаю, что никто изъ нихъ никогда не понималъ вполнѣ смысла этого положенія. Простымъ мы называемъ то, что характеризуется отсутствіемъ въ себѣ различій. Но душа имѣетъ различныя способности и живетъ сложною и дѣятельною жизнью. Метафизики своимъ положеніемъ хотѣли сказать собственно, что душа—какъ нѣчто простое—неразложима на части, но они утверждали гораздо больше и потому естественнѣе никого не могли убѣдить въ томъ, въ чемъ должны были убѣждать. Душа не проста, она представляетъ собою начало частію активное, частію пассивное. Какъ начало активное, она есть совокупность самодѣйствующихъ силъ; какъ начало пассивное, она воспринимаетъ воздѣйствія внѣшняго міра и навсегда сохраняетъ ихъ въ себѣ: никогда самое ничтожное явленіе, воспринятое душою, не можетъ исчезнуть изъ нея и при извѣстныхъ условіяхъ въ видѣ воспоминанія всегда можетъ вступить въ поле сознанія. Курсы психологіи обыкновенно изобилуютъ примѣрами того, какъ люди при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ вспоминали факты безусловно ими забытые. Особенно характернымъ въ этомъ отношеніи оказываетъ-

ся то явленіе, что, когда людямъ грозила повидимому неминуемая смерть и въ ихъ распоряженіи оставалось немного мгновений, то передъ ними въ ихъ сознаніи проходила вся жизнь съ мельчайшими, давно позабытыми подробностями. Это случалось съ утопавшими, которыхъ вытаскивали изъ воды уже въ безсознательномъ состояніи. Это случилось съ однимъ господиномъ, попавшимъ подъ курьерскій поѣздъ. Прогуливаясь по полотну дороги, онъ услышалъ сзади себя шумъ приближающагося поѣзда. Сообразивъ, что это идетъ курьерскій поѣздъ и что онъ настигнетъ его раньше, чѣмъ онъ успѣетъ свернуть въ сторону, онъ успѣваетъ только лечь между рельсами, поѣздъ пронесся надъ нимъ, не зацѣпивъ его и оставивъ совершенно невредимымъ. И вотъ, онъ говоритъ, что въ то полумгновеніе, когда надъ нимъ неслись вагоны, онъ вспомнилъ всю свою жизнь, начиная съ тѣхъ моментовъ дѣтства, когда онъ сталъ понимать окружающее. Въ теченіе полусекунды онъ снова пережилъ всю свою жизнь. Въ виду многочисленности подобныхъ сообщеній намъ нѣтъ основаній сомнѣваться въ ихъ правдивости. Другой рядъ фактовъ, доказывающихъ, что изъ души не можетъ исчезнуть ни одно изъ полученныхъ ею впечатлѣній, открывается въ случаяхъ болѣзни памяти. Извѣстенъ разсказъ о кухаркѣ пастора, бредившей по-еврейски, потому что раньше ей часто приходилось слышать еврейское чтеніе пастора, занимавшагося изученіемъ Библіи въ подлинникъ (Карпентеръ). Кухарка воспроизводила цѣлыя еврейскія страницы, а между тѣмъ вѣроятно она слушала прежде чтеніе еврейскаго текста только краемъ уха и едва ли много обращала вниманія на произносимые звуки. Бывали случаи, что лицу, совершенно забывшему какой-нибудь языкъ, подъ вліяніемъ какого-либо событія возвращалось знаніе языка (такъ Люисъ совершенно забылъ и затѣмъ вспомнилъ испанскій языкъ). Всѣ эти факты показываютъ и доказываютъ намъ, что «я» души не можетъ мѣняться, и что если душу ожидаетъ безсмертіе, то, несомнѣнно, безсмертіе сознательное. Все пережитое душою будетъ сопровождать ее въ вѣчность, но въ дѣйствительной земной жизни, — для насъ это очень понятно, — съ душою могутъ происходить такія явленія, какъ раздвоеніе личности и тому подобное. Дѣло въ томъ, что далеко не все богатство души находится въ полѣ сознанія: во 1-хъ, многое душою воспринимается безсознательно и сохраняется ею независимо отъ ея воли; во 2-хъ, многое

исчезаетъ изъ памяти души (говоря это, мы разумѣемъ подъ памятью способность выдвигать въ поле сознанія представленія прошедшаго). Подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій, богатство, которымъ владѣетъ душа, можетъ сводиться къ тому и иному опредѣленному кругу представленій, чувствованій и желаній. Внѣшнія условія могутъ временно вытѣснять изъ души одни состоянія и замѣнять ихъ другими. Физіономія души будетъ мѣняться. Но мы имѣемъ основаніе полагать, что, когда внѣшнія условія совсѣмъ перестанутъ дѣйствовать на душу, тогда все то, что было воспринято ею прежде, сдѣлается ея сознательнымъ достояніемъ. Это доказывается тѣмъ, что всегда, когда ослабѣваютъ внѣшнія воздѣйствія на духъ, и тѣло перестаетъ быть воспріимчивымъ къ внѣшней дѣйствительности, пережитое начинаетъ ясно представляться душѣ. «Тогдашнее я помню лучше, чѣмъ недавнее», писалъ св. Иринеѣ Флорину, и то же самое могутъ подтвердить всѣ старики всѣхъ вѣковъ и странъ. Отсюда мы имѣемъ право предположить, что когда узы тѣла совсѣмъ спадутъ съ человѣка, память его духа станетъ совершенною.

Одно изъ своихъ доказательствъ безсмертія души Платонъ основываетъ на своей своеобразной гносеологической теоріи *ανάμνησις*. Все наше знаніе, по Платону, утверждается на воспоминаніи объ идеяхъ, которыя мы созерцали раньше чувственныхъ ощущеній въ сверхчувственномъ мірѣ. Отсюда Платонъ выводитъ, что, значитъ, наша душа существовала раньше существованія въ тѣлѣ,—слѣдовательно ея существованіе не связано съ тѣломъ и потому, по разрушеніи тѣла, это существованіе опять можетъ продолжаться. Въ этой теоріи есть много оригинальнаго. Мнѣ кажется, она даетъ, напримѣръ, право ученикамъ высококомѣрно относиться къ своему учителю. Съ точки зрѣнія этой теоріи, учитель только напоминаетъ ученику то, что тотъ зналъ нѣкогда, и притомъ можетъ напоминать не вполне правильно. Поэтому, ученикъ, слушающій учителя, можетъ слушать его съ мыслию: «вѣрно ли онъ воспроизводитъ мнѣ то, что я зналъ нѣкогда?» Будучи величественной, какъ вообще вся философія Платона, эта теорія, думается мнѣ, невѣрна, и критическій разборъ ея долженъ привести насъ къ мысли, что наша душа начала жить съ нашимъ тѣломъ и не существовала ранѣе. Вѣдь, если мы согласимся съ Платономъ въ томъ, что

душа наша не теряетъ ничего изъ того, что она пережила, то должны допустить, что эта душа должна когда-нибудь и вспомнить что-нибудь изъ прожитого, и вспомнить, именно, какъ позабытое, а не узнать, какъ нѣчто новое,—должна бы порой она вспоминать и что-либо такое, что не стоитъ въ непосредственной связи съ наличной дѣйствительностью и что стоитъ выше ея. Но это едва ли не бываетъ. Душа черпаетъ свои познанія изъ окружающей дѣйствительности, дѣлаетъ выводы, переходящіе за ея предѣлы, но никогда не перескакиваетъ черезъ нее въ міры иного порядка. Душѣ чловѣка присущи неопредѣленные стремленія къ чему-то высшему, но это суть стремленія въ неясную даль, а не въ прожитое прошлое. Это — стремленія, навѣянные свыше. Объ этихъ стремленіяхъ души сказалъ поэтъ, предположивъ, что они навѣяны пѣснію ангела: «и долго на свѣтѣ томилась она, желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли».

Душа въ теченіе всей жизни воспринимаетъ пассивно множество представленій, и все это хранится ею и ничто не можетъ быть удалено изъ нея. Но кромѣ пассивной, какъ мы сказали, въ душѣ есть активная сторона: она владѣетъ совокупностью силъ, которыя, во 1-хъ, сами могутъ развиваться, во 2-хъ, оперируютъ надъ матеріаломъ, получаемымъ извнѣ. Душа владѣетъ способностью самоопредѣленія. Намъ нѣтъ нужды здѣсь разсуждать или, вѣрнѣе, повторять разсужденія психологіи о способностяхъ души. Для насъ гораздо важнѣе разобраться вотъ въ какихъ возраженіяхъ. Разсматривая различныя ученія о сущности души, мы видѣли, что эти ученія стоятъ въ противорѣчій съ данными психологіи и принципами науки вообще. Признавъ ихъ несостоятельными, мы приняли какъ единственно возможное то ученіе о душѣ, которое излагаемъ теперь,—ученіе о душѣ, какъ нѣкоторой недѣлимой единицѣ. Но вотъ какія трудности открываются предъ нами теперь. Если душа, по нашей теоріи, не можетъ разлагаться на части, то она не можетъ и измѣняться,—силы ея не могутъ увеличиваться. Увеличеніе силъ въ организмѣ происходитъ на счетъ матеріи притекающей извнѣ, т.-е. всякое увеличеніе есть результатъ сложенія даннаго организма, имѣвшаго, положимъ, нѣкоторую силу А, съ нѣкоторымъ новымъ количествомъ силы В. Если увеличеніе происходитъ вообще по этому закону, то это значитъ, что и увеличеніе силъ души происходитъ

чрезъ прибавленіе къ этимъ силамъ нѣкоторой новой энергіи. Но если это такъ, то душа, повидимому, уже не можетъ быть недѣлимой единицей, ибо отъ нея можетъ быть отдѣляемо то, что привнесено въ нее отвнѣ. Затѣмъ, если душа представляетъ собою величину извѣстной степени интенсивности, то можно допустить, что если отъ интенсивности A она возвысилась до интенсивности A^2 , а то и наоборотъ: когда-либо отъ A^2 она можетъ дойти до нуля. Далѣе, ученіе о душѣ, какъ обособленной единицѣ, вызываетъ всѣ тѣ недоумѣнія, которыя изстари вызывалъ вопросъ о взаимодействіи. Спрашиваютъ, какъ душа можетъ вступать въ связь съ внѣшнимъ міромъ, съ другими конечными душами и абсолютнымъ Духомъ, и указываютъ, что для объясненія этого взаимообращенія приходится прибѣгать къ такимъ противорѣчивымъ предположеніямъ, какъ дѣйствіе на разстояніи.

Разберемся въ этихъ возраженіяхъ. Выяснить ученіе о душѣ, какъ недѣлимой и однако измѣняющейся и способной къ усовершенствованію единицѣ, намъ поможетъ сравненіе души съ тѣлесными организмами. Займемся разсмотрѣніемъ тѣлеснаго организма человѣка. Организмъ этотъ въ своей жизни проходитъ три фазы: въ первый періодъ онъ развивается, поступленій отвнѣ въ него входитъ больше, чѣмъ сколько онъ выдѣляетъ изъ себя; во второй періодъ замѣчается равенство поступленій и выдѣленій; въ третій періодъ—выдѣленія преобладаютъ надъ поступленіями, слѣдствіемъ чего наступаетъ смерть. Эта смерть называется естественной, но на всѣхъ ступеняхъ своего развитія организмъ можетъ погибнуть еще отъ смерти насильственной, являющейся слѣдствіемъ того, что нѣкоторыя внѣшнія причины препятствуютъ организму совершать правильно свои отправленія и потому разрушаютъ его. Теперь обратимся къ душѣ. Легко можно представить, что она есть организмъ такого порядка, который не можетъ погибнуть отъ насильственной смерти. Для того, чтобы насильственная смерть души была возможна, нужно, чтобы въ природѣ существовали такія силы, которыя могли бы разорвать связь, соединяющую различныя силы души. Но можетъ быть такія силы никогда не существовали или не существуютъ теперь.

На землѣ существуютъ тѣла, относительно которыхъ можно полагать, что они сложны и которыя однако нельзя разложить (таковы, наприм., металлы), потому что потребной для этого разложенія энергіи нѣтъ на землѣ. Относительно души

мы можемъ предположить, что такой энергіи, которая могла бы разрушить ее, не имѣется во всей вселенной. Что касается до того положенія, что организмы должны умирать по естественному закону, то это положеніе само по себѣ еще вызываетъ споры. Есть фізіологи, которые думаютъ, что смерть не есть естественный удѣлъ всѣхъ организмовъ. Нѣкоторые думаютъ, что многія растенія предназначены къ вѣчному развитію, по крайней мѣрѣ количественному, и умираютъ только отъ случайныхъ причинъ. Можно думать относительно многихъ организмовъ, что, закончивъ періодъ развитія, они, по естественному порядку, всегда должны быть въ такомъ состояніи, что у нихъ выдѣленія и полученія равны между собою. Необходимость смерти для организмовъ не доказана. Эта необходимость представляетъ собою только печальный фактъ, вызвавшій для своего объясненія множество разнообразныхъ гипотезъ. Продолжая наше сравненіе души съ организмомъ, мы можемъ допустить, что душа есть такой организмъ, который способенъ къ вѣчному развитію или который по крайней мѣрѣ никогда не можетъ вступить въ фазисъ постепеннаго разрушенія и умиранія.

Старая сравненія души съ интенсивной величиной, подобной свѣту, который можетъ свѣтить болѣе или менѣе ярко и наконецъ погаснуть совсѣмъ, съ успѣхомъ могутъ быть обращены въ защиту теоріи безсмертія души. Сознаніе сравниваютъ со свѣтомъ и различныя степени ясности сознанія сравниваютъ съ различными степенями напряженности свѣта. Разсмотримъ это сравненіе. Свѣтъ есть результатъ движенія ээира или вообще результатъ дѣйствія нѣкоторыхъ силъ,—интенсивность свѣта прямо пропорціональна количеству этихъ силъ. Силы эти не уничтожимы, но онѣ могутъ вступать въ весьма разнообразныя сочетанія; функціей нѣкоторыхъ изъ этихъ сочетаній является свѣтъ. Но если эти силы выходятъ изъ ряда таковыхъ сочетаній, то свѣтъ погасаетъ. Обращаясь къ душѣ, мы видимъ, что она вовсе не есть функція силъ, способныхъ вступать въ совершенно новыя сочетанія и разлагаться: душа есть нѣкоторая единица, которая, несмотря на свою сложность, не можетъ быть дѣлима, не можетъ быть дѣлима даже теоретически (попробуйте отдѣлить чувство отъ мысли или отъ желанія) и не можетъ быть дѣлима практически (немыслимы силы, могущія произвести таковое дѣленіе), а потому и не можетъ уничтожиться. Повышеніе и пониженіе ясности сознанія,

какъ мы уже отмѣчали выше, зависитъ не отъ того, что силы души увеличиваются или ослабляются, а отъ того, что въ извѣстный моментъ въ поле сознанія вступаетъ больше, а въ другой меньше представленій различнаго качества. При этомъ однако сумма богатствъ и силъ, которыми владѣетъ душа, не убавляется: всегда эти богатства и силы могутъ проявиться снова въ душѣ. Отсюда выводъ: *до какого бы тѣнитъ'a ни доходила иногда ясность сознанія, это не доказываетъ того, что сознаніе можетъ утратить совсѣмъ* (душа можетъ стать нулемъ): *на такое состояніе сознанія мы должны смотрѣть какъ на временное и случайное и имѣемъ основанія допустить, что при удаленіи встѣхъ внѣшнихъ препятствій, ясность сознанія достигнетъ тахититъ'a.*

Если такимъ образомъ ученію объ индивидуальности души не противорѣчатъ факты перемѣнъ въ душевной жизни, когда душа находится въ связи съ тѣломъ, и фактъ развитія души, то спрашивается: какъ можно объяснить общеніе души съ внѣшнимъ міромъ, начиная съ тѣла, связаннаго съ нею, если душа есть нѣчто обособленное? На этотъ вопросъ отвѣчали весьма разнообразными теоріями. Намъ представляется не вполне понятнымъ, почему составляли эти теоріи и почему составленіе ихъ считалось такимъ труднымъ дѣломъ. И не потому мы недоумѣваемъ, что считаемъ вопросъ легко разрѣшимымъ (мы предполагаемъ, что онъ неразрѣшимъ), но потому, что составители теорій не замѣчали, гдѣ собственно лежитъ трудность вопроса, не замѣчали и того, что въ своихъ послыкахъ они уже считали рѣшеннымъ тотъ вопросъ, который находили потомъ столь труднымъ или даже невозможнымъ рѣшить. Дѣло вотъ въ чемъ. Душу издавна опредѣляли, какъ иѣкую силу или какъ совокупность силъ; въ матеріи лучшіе умы тоже издавна видѣли не нѣчто пассивное, а видимое обнаруженіе нѣкоторой невидимой силы. Но что такое сила? Это—начало, характеризующееся тѣмъ, что оно можетъ дѣйствовать на другіе объекты, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые роды объектовъ. Мы должны допустить, что всякая сила есть проявленіе нѣкоторой двухсторонней сущности: активной—дѣйствующей и пассивной—воспринимающей дѣйствія. Существуютъ основанія утверждать, что каждая сущность можетъ воспринимать дѣйствія только отъ извѣстнаго рода сущностей и дѣйствовать тоже только на нѣкоторыя сущности. Все это—сознательно или безсознательно, вполне или отчасти—всегда подразумѣ-

валось, когда произносился терминъ «сила». Выраженіе «взаимодѣйствующія силы» представляетъ собою плеоназмъ, потому что понятіе «сила» въ данномъ случаѣ равно понятію «взаимодѣйствующая». Но если это такъ, то значитъ вопросъ о взаимодѣйствіи души и тѣла, или иначе вопросъ о взаимодѣйствіи взаимодѣйствующихъ, долженъ быть сведенъ совершенно къ иному вопросу—вопросу о сущности силы, точнѣе—о сущности тѣхъ началъ, одними изъ проявленій которыхъ являются силы. Между тѣмъ, когда приступали къ выясненію факта взаимодѣйствія души и тѣла, обыкновенно этотъ вопросъ представляли какъ бы рѣшеннымъ. Но онъ не рѣшенъ и, насколько можно судить, не можетъ быть рѣшенъ. Мы должны примириться съ этимъ и признать, что объяснить, какъ и почему однѣ силы дѣйствуютъ на другія, мы не въ состояніи; но за то мы можемъ изучать внѣшнюю сторону этихъ взаимодѣйствій, описывать ихъ и дѣлать различныя обобщенія. Законы этихъ взаимодѣйствій изучаются и въ наукахъ о матеріи, и въ наукахъ о духѣ, и въ наукахъ психо-физическихъ. Химія учитъ насъ, что одни вещества могутъ дѣйствовать на такое-то тѣло, а другія не могутъ: такъ, азотная кислота не растворяетъ золота, но смѣсь азотной и соляной кислоты растворяетъ его. Въ наукахъ о духѣ изучаются законы вліяній одного духа на другой,—законы вліянія умственного и нравственного. Наконецъ, психофизиологія поучаетъ насъ относительно взаимодѣйствія матеріи и духа. Вездѣ намъ много сообщаютъ на вопросъ: какъ?—и нигдѣ не отвѣчаютъ на вопросъ: почему? Это понятно, но страннымъ представляется, почему только взаимодѣйствіе духа и матеріи находили настолько непонятнымъ, что или возможность ихъ взаимодѣйствія отрицалась (въ теоріяхъ предуставленной гармоніи и окказіонализма), или отрицалось существованіе одного изъ 2-хъ взаимодѣйствующихъ началъ—то матеріи, то духа. Непонятность этого факта взаимодѣйствія совершенно такова же, какъ и непонятность дѣйствія атома на атомъ. Вращеніе земли вокругъ солнца вслѣдствіе воздѣйствія солнца на землю такъ же загадочно, какъ и фактъ идиотизма вслѣдствіе водянки мозга. Но никто, конечно, не отрицаетъ, что и земля и солнце—двѣ особенныя единицы, какъ никто не имѣетъ основаній отрицать, что душа и тѣло тоже двѣ единицы. Первая—неспособная разрушаться, но способная совершенствоваться, вторая—подчиненная закону неизбежнаго разрушенія.

Всѣмъ вышеизложеннымъ мы не претендуемъ доказать, что душа безсмертна, — наша задача гораздо скромнѣе: мы хотѣли только показать, что въ распоряженіи науки не имѣется доказательствъ невозможности такого безсмертія. Мы сознаемся, что безсмертіе души вовсе не доказанная теорема, но, опираясь на все сказанное нами, мы попытаемся теперь показать, что это безсмертіе должно быть необходимо предполагаемымъ постулатомъ для человѣчества.

IV.

Если научная психологія говоритъ намъ, что душа *можетъ* быть безсмертною, то раціональная телеологія приводитъ насъ къ заключенію, что душа *должна* быть безсмертною. Я говорю: раціональная телеологія. Этотъ терминъ требуетъ нѣкотораго разъясненія. Подъ телеологіей часто понимаютъ ученіе о безусловно-цѣлесообразномъ устройствѣ существующаго. Такую телеологію я признаю нераціональною. Во 1-хъ, потому, что она стоитъ въ противорѣчій съ несомнѣннымъ фактомъ существованія въ мірѣ зла. Во 2-хъ, потому, что она содержитъ въ себѣ отрицаніе нужды въ прогрессѣ. Раціональная телеологія есть ученіе, утверждающее, что существующее въ своей дѣятельности должно направляться къ благимъ цѣлямъ, и предполагающее, что нѣчто Высшее направляетъ твари къ таковымъ цѣлямъ. Эта телеологія не мирится съ тѣмъ ученіемъ, что зло есть великое благо, что оно есть необходимое педагогическое средство для воспитанія человѣчества. Плоха та педагогика, которая необходимымъ орудіемъ воспитанія считаетъ розгу: можно воспитывать человѣка, не заставляя его страдать. Зло существуетъ въ настоящее время въ мірѣ не потому, что оно есть нѣчто прекрасное, а потому что, прекрасенъ можетъ быть лишь тотъ міръ, въ которомъ существуютъ свободныя твари. Богъ по своей всеблагости и сотворилъ таковой міръ. Но разъ въ мірѣ существуютъ свободныя твари, то, значитъ, законы добра могутъ быть и осуществляемы, и нарушаемы. Отсюда — возможность зла, которая, какъ открывается это изъ разсмотрѣнія окружающаго насъ міра, перешла въ дѣйствительность. Раціональная телеологія признаетъ этотъ фактъ зла, но не мирится съ нимъ и одною изъ задачъ человѣческой дѣятельности поставляетъ борьбу съ этимъ зломъ. Однако не въ этой борьбѣ заключается *raison d'être* существованія человѣчества.

Еслибы смыслъ жизни человѣчества исчерпывался борьбою со зломъ, то, значитъ, разъ уничтожилось бы зло, должно было бы уничтожиться и человѣчество, такъ какъ существованіе его утратило бы смыслъ. Но въ такомъ случаѣ человѣчеству лучше было бы и не появляться на свѣтъ, потому что тогда не было бы и зла въ человѣчествѣ. Вотъ почему раціональная телеология приводитъ насъ къ такимъ выводамъ: существованіе человѣчества должно имѣть высшую, благую цѣль. Этой цѣли оно не можетъ достигнуть въ семъ мірѣ и потому, должно думать, что оно достигнетъ ее въ мірѣ иномъ. Цѣль, для которой люди призваны къ бытію,—не на землѣ, а на небѣ. Мы имѣемъ такимъ образомъ два положенія: человѣчество не можетъ осуществить своего назначенія на землѣ, но можетъ осуществить его въ иномъ мірѣ. Противъ каждаго изъ этихъ двухъ тезисовъ направляются многочисленныя возраженія. Попытаемся показать ихъ неосновательность.

Въ настоящее время усердно нападаютъ на ученіе о цѣляхъ. Міръ, говорятъ, нельзя объяснять по аналогіи съ человѣческими произведеніями. Изъ того, что мы все дѣлаемъ для чего-нибудь, не слѣдуетъ, что и міръ сотворенъ для чего-нибудь. Біологія показываетъ намъ, что въ организмахъ не все существуетъ для какихъ-либо цѣлей, но кое-что и не имѣетъ никакой цѣли и является бесполезнымъ придаткомъ, а кое-что даже вредно. Такъ, ушная раковина, по ученію современной фізіологіи, есть бесполезный придатокъ въ организмѣ человѣка, а червеобразный отростокъ слѣпой кишки—придатокъ даже вредный. То и другое, говорятъ, суть рудиментарныя органы, которые нѣкогда были полезны отдаленнымъ предкамъ человѣка, но въ послѣдствіи, подвергшись перерожденію въ слѣдствіе неупотребленія, сдѣлались бесполезными или даже вредными. Подобныхъ рудиментарныхъ органовъ въ различныхъ организмахъ находятъ очень много. Всѣ эти возраженія біологіи имѣли смыслъ и силу по отношенію къ той телеологіи, которую мы назвали нераціональной, но съ точки зрѣнія нашей телеологіи, признающей фактъ существованія зла и разстройства въ мірѣ, они не имѣютъ никакой силы: изъ того, что существуетъ нѣчто безцѣльное, или даже вредное, нельзя дѣлать вывода, что бытіе міра и человѣчества въ общемъ тоже не имѣютъ цѣли. Съ другой стороны, ученіе той же самой біологіи о прогрессѣ въ мірѣ подтверждаетъ положенія

раціональной телеологіи. Намъ, впрочемъ, нѣтъ нужды апеллировать къ біологическимъ фактамъ. Намъ должно обратиться къ человѣку. Изучая физическія свойства и духовныя стремленія человѣка, мы видимъ съ несомнѣнностію, что создавшая его творческая рука направляетъ его къ совершенствованію. Прежде всего, что открывается въ физической природѣ человѣка? Рука дикаря производитъ только самыя несовершенныя орудія, а между тѣмъ сочетаніе мускуловъ въ ней совершенно такое же, какъ у Рафаэля, Микель-Анджело или Моцарта. Потенціально она уже можетъ вырѣзать амура, нарисовать Мадонну, сыграть Донъ-Жуана.

Значитъ, устройство руки человѣка явилось не слѣдствіемъ постепеннаго совершенствованія человѣка; ему съ самаго начала была дана такая рука для постепеннаго усовершенствованія. Точно также устройство голосового аппарата одинаково и у папуаса, и у Патти. Отсюда слѣдуетъ тотъ же выводъ: человѣку дана такая физическая организація, которая дѣлаетъ его способнымъ совершенствоваться въ различныхъ искусствахъ, содѣйствующихъ возвышенію и облагороженію его духовной природы. Обращаясь къ разсмотрѣнію духовной природы человѣка, мы видимъ, что въ ней заложены стремленія къ безпредѣльному совершенствованію: стремленія къ истинѣ, добру и красотѣ. Человѣкъ, большая часть познаній котораго имѣетъ субъективный характеръ и сумма познаній котораго вообще очень ограничена, непрестанно стремится къ качественному улучшенію и къ количественному увеличенію своихъ познаній безъ всякихъ утилитарныхъ цѣлей. Далѣе, человѣкъ чувствуетъ себя обязаннымъ совершенствоваться нравственно, изгонять изъ своего сердца злыя и воспитывать въ немъ благія помысленія. Наконецъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣкъ стремится увеличивать количество прекраснаго въ окружающемъ и въ самомъ себѣ. Усовершенствованіе, которое человѣкъ обязанъ производить прежде всего въ самомъ себѣ, человѣкъ стремится производить и въ мірѣ: у него есть потребность облагораживать не только себя, но и окружающихъ.

Исторія и даже наличная дѣйствительность показываютъ намъ правда, что стремленія къ истинѣ, добру и красотѣ часто принимали и принимаютъ уродливый и каррикатурный характеръ, но въ общемъ несомнѣнно движеніе къ совершенствованію идетъ по правильному пути. Современники Архимеда знали меньше современниковъ Ньютона; несомнѣнно, мы владѣемъ большими

познаніями, чѣмъ послѣдніе, какъ' несомнѣнно и то, что наши отдаленные потомки будутъ трактовать насъ почти такъ, какъ мы трактуемъ теперь готтентотовъ или бушменовъ. Точно также воплощеніе правды въ человѣчествѣ происходитъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Русскіе люди XVII вѣка были неизмѣримо грубѣе своихъ потомковъ XIX в., и дворяне эпохи крѣпостного права, мнѣ кажется, стояли на низшемъ нравственномъ уровнѣ, чѣмъ ихъ дѣти, родившіяся тогда, когда отъ нихъ стало требоваться больше уваженія къ человѣку. Чувство красоты также получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. Музыка вѣременъ Перикла едва ли бы удовлетворила кого-нибудь изъ современныхъ европейцевъ, и отношеніе числа лицъ, способныхъ понимать красоты кисти Рафаэля, къ числу лицъ, способныхъ понимать эти красоты въ XIX в., совсѣмъ иное, чѣмъ въ XVI ст. Все человѣчество стремится къ воплощенію въ себѣ идей истины, добра и красоты; къ этой цѣли стремятся и всѣ отдѣльные люди. Но они часто сами неясно опредѣляютъ характеръ этихъ стремленій, неправильно ихъ формулируютъ и затѣмъ стремятся къ достиженію ихъ негодными средствами. Припомните первый грѣхъ первыхъ людей: они стремились къ тому, чтобы овладѣть истиной, но выбрали для этой цѣли негодное средство и потому не только не приблизились по истинѣ, но отдалились отъ нея. Вы знаете тотъ психологическій законъ, что люди часто смѣшиваютъ цѣль со средствомъ. Пища, служащая средствомъ для поддержанія жизни, у гастрономовъ становится цѣлью жизни. Стремленія къ богатству, къ почестямъ въ основѣ суть стремленія къ приобрѣтенію силы вовсе не затѣмъ, чтобы давить другихъ или самому стать безсильнымъ рабомъ своихъ подчиненныхъ и слугъ, а затѣмъ, чтобы эту силу употреблять какъ средство для приобрѣтенія полноты жизни и прежде всего полноты жизни духовной. Но человѣкъ, будучи существомъ умственно ограниченнымъ и нравственно свободнымъ, путается въ опредѣленіи цѣлей и средствъ, невѣрно намѣчаетъ тѣ и другія. Прибавьте къ этому фактъ давнишняго существованія зла въ природѣ и человѣчествѣ, фактъ, являющійся слѣдствіемъ неразумнаго употребленія свободной воли, и тогда станутъ понятными всѣ тѣ печальныя явленія, которыя повидимому говорятъ о томъ, что человѣкъ лежитъ въ грязи и даже не хочетъ тянуться къ небу.

Однако, требуется ли необходимо для того, чтобы жизнь имѣ-

ла смыслъ, то, чтобы она продолжалась послѣ смерти? Намъ возражаютъ противъ этого, говоря, что разумный человѣкъ найдетъ таковой смыслъ въ служеніи человѣчеству. Согласимся съ говорящими въ томъ, что человѣчество есть дѣйствительно реальная величина, подлежащая совершенствованію. Но, вѣдь, несомнѣненъ тотъ фактъ, что человѣчество погибнетъ. (Кто не вѣритъ пророчествамъ о кончинѣ міра, находящимся въ различныхъ религіяхъ, тотъ долженъ повѣрить пророчествамъ ученыхъ). Послѣднія распадаются на двѣ категоріи: по однимъ, родъ homo исчезнетъ раньше гибели населяемой имъ планеты, какъ исчезли мамонты, мастодонты, гиппоріоны, ихтіозавры и плезиозавры; по другимъ, человѣчество погибнетъ вмѣстѣ съ планетою. Земля будетъ описывать все болѣе и болѣе сжатые эллипсисы около солнца и наконецъ упадетъ на него. Можетъ быть, еще раньше этого солнце покроется твердою корою, и на землѣ, не получающей тепла отъ неба и не имѣющей достаточно своего собственного, прекратится всякая жизнь. Во всякомъ, случаѣ, какъ бы ни погибло человѣчество, оно погибнетъ несомнѣнно, не дойдя до той цѣли, къ которой направлялось: эта цѣль стоитъ отъ него въ безконечномъ отдаленіи. Человѣчество XIX в. стоитъ такъ же далеко отъ того, чтобы овладѣть истиной, какъ и троглодиты ледниковой эпохи. Но если цѣль недостижима, то къ ней не стоитъ и направляться. Правда, намъ могутъ возразить, что самое это движеніе пріятно для человѣчества. Источникъ пріятныхъ чувствованій здѣсь, очевидно, кроется въ иллюзіи. Но для разумнаго человѣка всегда интереснѣе разоблачить иллюзію, чѣмъ поддаваться ей. А разоблачивъ иллюзію, онъ увидитъ, что дѣло, которому онъ служить, не стоитъ и начинать. Отсюда пессимистическій выводъ, что разумная смерть лучше неразумной жизни.

Если въ служеніи человѣчеству—при предположеніи смертности этого послѣдняго—нельзя найти разумной цѣли, то нельзя ли найти таковой въ дѣятельности человѣка, посвященной личному усовершенствованію? Такую цѣль жизни намѣчали еще стоики въ своемъ ученіи объ «автаркіи» (самодовольствѣ). Въ настоящее время это ученіе можетъ быть развито и дополнено новыми чертами. Въ человѣкѣ прежде всего заложено стремленіе къ совершенствованію въ добродѣтели, и если онъ удовлетворитъ этому стремленію въ возможной для него мѣрѣ, то о немъ говорятъ обыкновенно, что онъ выполнилъ свое назначеніе. Кто знаетъ: можетъ-

быть для неизвѣстнаго Творца этого міра только то и нужно, чтобъ индивидуумы всѣми силами служили заложеннымъ въ нихъ потребностямъ духа? Можетъ-быть, это нужно для какихъ-либо намъ неизвѣстныхъ высшихъ цѣлей? Въ такомъ случаѣ человѣкъ, исполнившій свой долгъ, можетъ умереть съ сладкимъ сознаніемъ, что его жизнь протекла разумно и, конечно, вопреки общему мнѣнію, ему не придется и въ голову, что онъ заслужилъ какую-то награду, которую ему долженъ уплатить кто-то. Вѣдь не одни фарисеи получаютъ возмездіе въ самыхъ своихъ дѣлахъ,—его получаютъ и добродѣтельные люди.

Всякое свободное исполненіе долга сопровождается сладкимъ чувствомъ счастья, неизбѣжно сопутствующимъ сознанію, что воля Безконечнаго исполнена. Всякое истинно-добродѣтельное дѣло получаетъ истинно-царскую награду въ самомъ настроеніи человѣческаго духа. Возраженіе, которое приводятъ противъ этого Кантъ и затѣмъ многіе другіе, что добродѣтельнымъ людямъ часто приходится подвергаться незаслуженнымъ бѣдствіямъ отъ и другихъ, подвергающихся такому бѣдствію,—это старое возраженіе при размышленіи оказывается и неразумнымъ, и имѣющимъ не нравственный характеръ. Выраженіе «незаслуженныя бѣдствія», вѣдь, представляетъ собою *contradictio in adjecto*. Всякое бѣдствіе въ своей сущности есть ограниченіе полноты жизни, есть лишеніе, отнятіе у насъ чего-нибудь изъ суммы тѣхъ благъ, какія мы имѣемъ. Но, вѣдь, мы всѣ блага, начиная съ перваго — жизни, — получили задаромъ. Эти блага, данныя намъ на время, затѣмъ постепенно или сразу берутся у насъ назадъ. Не безнравственно ли утверждать, что это несправедливо? Эти блага, нужно еще замѣтить, потомъ дадутся другимъ: смерть однихъ есть условіе жизни для другихъ. Говорятъ, что на землѣ блага распредѣляются неравномѣрно и что вѣра въ существованіе правды обязываетъ насъ предполагать, что возмѣщеніе этой неравномѣрности произойдетъ на небѣ. Но если я получилъ очень много и сознаю, что лишенъ всякой возможности чѣмъ-либо уплатить за это, то какъ смѣю я говорить, что другой получилъ еще больше и что мнѣ должны быть дарованы еще новыя блага? Никто не имѣетъ права сказать этого не только о себѣ, но и о другихъ. Притомъ, можно ли еще производить сравненіе самыхъ благъ. Кто получилъ ихъ больше? Неронъ ли, пресыщенный наслажденіями и томившійся скукою

на престолѣ, или христіанская мученица, пережившая много счастливыхъ часовъ молитвеннаго восторга и затѣмъ растерзанная звѣрями? Мы часто слышимъ, какъ того или другого человѣка, потерявшаго многихъ близкихъ и горячо любимыхъ имъ людей, называютъ глубоко несчастнымъ. Допустимъ, что такой человѣкъ добродѣтеленъ, какъ Іовъ..., но вѣдь то счастье, которымъ онъ пользовался ранѣе при общеніи съ дорогими ему людьми, было дано ему туне и рано или поздно, какъ и всѣ прочія блага, должно было быть отъ него взято обратно, — и потому сказать, что онъ страдаетъ незаслуженно, значитъ произнести хулу на Бога. Несправедливъ не Богъ, дающій человѣку блага, а человѣкъ, воображающій, что разъ дано ему какое-либо благо, то оно должно быть дано ему на цѣлую вѣчность. Указываютъ на физическую боль, которой часто подвергались невинные люди, какъ на фактъ незаслуженныхъ страданій. Физическая боль есть внѣшній признакъ мѣстнаго или общаго разрушенія организма. Разрушеніе организма знаменуетъ собою пониженіе жизни и приближеніе — хотя бы пока еще очень далекой — смерти, а мы уже сказали, что человѣкъ не имѣетъ права роптать на отнятіе у него жизни, полученной задаромъ.

Но физическая боль, говорятъ, сама по себѣ представляетъ жгучее страданіе. Однако, во имя чего переносится эта боль? Или во имя того, что счастье ощущенія жизни и ея благъ стоитъ выше испытываемаго страданія, или во имя того, что страдающій субъектъ думаетъ, что испытываемыя страданія временны и за ними начнется опять благополучная жизнь. Вообще, сумма пріятныхъ ощущеній въ жизни перевѣшиваетъ сумму ощущеній непріятныхъ. Если же многіе утверждаютъ противное, то только потому, что пріятныя ощущенія цѣнятся лишь тогда, когда ихъ нѣтъ. Отнимите у людей вѣру въ безсмертіе души, увеличится ли число самоубійствъ въ мірѣ? Едва ли можно предполагать это, и во всякомъ случаѣ можно утверждать, что оно не увеличится замѣтнымъ образомъ. А если такъ, то, значитъ, жизнь является для людей благомъ, а не зломъ, и ихъ требованія безсмертія представляютъ собою требованія продолженія блага, которымъ они уже пользуются, а вовсе не требованія возмѣщенія за испытанныя страданія.

Признаюсь, я никогда не понималъ философовъ, которые путемъ силлогизмовъ выводили, что Богъ *долженъ* дать людямъ

безсмертіе, но я всегда понималъ вѣру простыхъ сердецъ, что Богъ по своей благодати даруетъ людямъ безсмертіе. Нормально развивающійся человѣкъ характеризуется, между прочимъ, двумя чертами: онъ стремится безконечно прогрессировать въ умственномъ отношеніи и, затѣмъ, стремится къ тѣснѣйшему единенію въ духѣ любви—съ Безконечнымъ и другими, себѣ подобными. Ни той полноты знанія, которая ему желательна и въ которой разрѣшились бы всѣ предносящіяся ему противорѣчія и сомнѣнія, ни той полноты единенія любви, идеалъ которой смутно предносится ему и руководить имъ, человѣкъ на землѣ не можетъ достигнуть, и однако всѣми стремленіями его духа управляетъ надежда, что этотъ идеалъ можетъ быть достигнутъ и осуществленъ. Эта надежда есть всеобщее неотъемлемое требованіе духа, во имя которой—сознательно или бессознательно—человѣчествомъ дѣлается все хорошее на землѣ. Очевидно, эта надежда вложена въ человѣка тою Силою, которая дала ему и всѣ прочія духовныя силы и которая не обманетъ. Отсюда наша *надежда* на безсмертіе переходитъ въ *увѣренность* въ томъ, что оно насъ ожидаетъ.

Эту увѣренность пытаются колебать нѣкоторыми возраженіями и недоумѣніями, разборомъ которыхъ мы и окончимъ наше разсужденіе. Признавая закономъ человѣческой природы любовь къ себѣ подобнымъ и стремленіе къ единенію съ ними, говорятъ, что это стремленіе находитъ себѣ полное удовлетвореніе въ смерти. Въ любви человѣкъ отрѣшается отъ своей индивидуальности, а въ смерти это отрѣшеніе происходитъ вполнѣ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Въ любви къ близкимъ человѣкъ, по слову Евангелія, теряетъ душу свою, чтобы найти ее, т.-е. отрѣшается отъ своего эгоистическаго «я», чтобы обрѣсти свое истинное «я», соответствующее идеалу человѣческой личности. Человѣкъ здѣсь отрѣшается не отъ всей своей природы, но отъ ея дурныхъ сторонъ. Человѣкъ, любящій близкихъ своихъ, безъ сомнѣнія живетъ болѣе полною жизнью, чѣмъ человѣкъ, служащій только инстинкту самосохраненія, но полнота жизни выражается въ полнотѣ самосознанія. Такимъ образомъ движеніе человѣка по идеальному пути совершенствованія ведетъ не къ потерѣ личности, но къ полнѣйшему ея раскрытію. Чѣмъ болѣе развивается человѣкъ, тѣмъ болѣе въ немъ развивается самосознаніе и способность самоопредѣленія. Припомните хри-

стіанскихъ подвижниковъ. Они гораздо лучше отличали всѣ оттѣнки своей индивидуальности и индивидуальныя особенности другихъ, чѣмъ люди, не трудившіеся надъ дѣломъ самоусовершенствованія. Физическая слабость иногда можетъ скрывать отъ посторонняго взора эту зрѣлость духа, но мы держимся взгляда, который пытались обосновать ранѣе, что тѣло—этотъ спутникъ души, обогащающій ее познаніями и вмѣстѣ держащій ее въ узахъ,—въ такихъ случаяхъ препятствуетъ выступленію въ поле сознанія всего богатаго духовнаго опыта души, и что когда спадаютъ узы тѣла, то все, что пріобрѣла душа въ жизни, сдѣлается ея полнымъ и постояннымъ достояніемъ, которымъ она всегда можетъ управлять, при помощи своихъ силъ, исключительно чрезъ свое свободное самоопредѣленіе.)

Полноты жизни душа достигнетъ въ будущемъ мірѣ. Тамъ она достигнетъ той цѣли, которая недостижима для нея на землѣ. Противъ этой теоріи Давидъ Штраусъ предлагаетъ слѣдующее возраженіе. Если душѣ человѣка присуще стремленіе къ безконечному прогрессу, то значить и въ будущей жизни она никогда не достигнетъ той цѣли, къ которой направляется этотъ безконечный прогрессъ. Выраженіе «безконечный прогрессъ» вѣдь содержитъ въ себѣ отрицаніе прогресса. И если душа движется въ безконечность, то рѣшительно все равно, на какомъ пунктѣ она прекратитъ свое движеніе». «Если кривая линія,—говоритъ Штраусъ,—идущая въ безконечность (положимъ, парабола), не можетъ быть начерчена вся, то рѣшительно все равно, на какой точкѣ прекратится черченіе: важна только формула, по которой строится линія». Отсюда Штраусъ дѣлаетъ выводъ, по отношенію къ душѣ, что достаточно чтобы человѣкъ пришелъ къ признанію *правиль* нравственности, а не къ ихъ дѣйствительному выполненію. То же самое онъ утверждаетъ и относительно прочихъ способностей и стремленій человѣка. Такъ, напримѣръ, относительно интеллектуальной способности онъ говоритъ, что важно не то, чтобы человѣкъ узналъ все, но чтобы онъ узналъ сущность и принципъ всего. Non multa, sed multum. Это разсужденіе Штрауса, очевидно, представляетъ собою сильное возраженіе противъ такого ученія о безсмертіи души, которое будущую жизнь души разсматриваетъ просто какъ продолженіе земной. Но оно не можетъ поколебать вѣрованія тѣхъ, которые ожидаютъ *новаго неба и новой*

земли. Человѣкъ живетъ на землѣ въ пространствѣ и времени, однако уже здѣсь, на землѣ, онъ путемъ различныхъ изслѣдованій пришелъ къ заключенію, что пространство и время не суть такія реальности, какими они представляются ему непосредственно, но что они суть явленія иныхъ реальностей, которыя въ настоящее время непостижимы для него. Но будутъ ли они и всегда для него непостижимы? Мы на это отвѣчаемъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Душа не пространственна,—и однако на землѣ она закована въ узахъ пространства. Послѣ смерти тѣла для нея начнется внѣпространственная жизнь. Мы должны полагать, что для нея наступитъ моментъ, когда она окажется и внѣ условій времени. Послѣдовательности моментовъ не будетъ, и нельзя будетъ говорить ни о какомъ, ни конечномъ, ни безконечномъ прогрессѣ. Процессъ развитія духа завершится: стремленія духа къ истинѣ, добру и красотѣ получатъ свое полное удовлетвореніе, и для него настанетъ блаженная вѣчность. Пытаться представить себѣ характеръ и образъ вѣчной жизни невозможно: «не у явися, что будемъ».

Еслибы развитіе духа совершалось по закону необходимости, то тогда блаженная вѣчность, конечно, должна была бы въ концѣ концовъ стать удѣломъ всѣхъ. Но мы знаемъ, что это не такъ. Человѣку дана свобода, т.-е. способность самоопредѣленія, и вслѣдствіе этого развитіе духа можетъ идти по различнымъ путямъ, и если душа пойдетъ по пути зла, то никто не можетъ вернуть ее на путь добра вопреки ея волѣ. Благодѣтели Божія создала людей не сознательными автоматами, или манекенами, но свободными тварями, и правда Божія никогда не совершитъ насилія надъ этою свободой; но тѣмъ, которые возжелаютъ усовершенія, милость Божія всегда будетъ споспѣшествовать и въ концѣ откроетъ предъ ними врата блаженной вѣчности.

18/5 6

С. Глаголевъ.